

Чтоб солнце было золотым

В годы войны, помню, я мечтала написать стихи о грядущем дне мира. Да и кто не мечтал, даже не писал их! Но однажды я прочла нечто удивительное. Строки были такие:

Мы отметим с облегчением:

**Затемнения больше нет,
И что только для леченья
Нужен детям синий свет.**

Цитирую, может быть, не точно — как запомнилось. Все было здесь: и морозный сумрак синих лампочек затемнения в московских подъездах, и доброта к детям, которые будут болеть лишь ангинами от непомерных порций мороженого, а не страдать от бомбежек, и само время было: теплые синие лампы, а не нынешние лазеры и прочие мудрости медицины. Стихи написал Сергей Михалков — поэт и солдат.

Я вспоминала эти строчки на недавнем творческом вечере Сергея Михалкова.

В тот вечер звучало много веселых стихов: и сам автор читал их, и артистка Антонина Цыганкова, и маленькая девочка Саша Повалеева. Но были стихи и иные — стихи о войне, стихи горькие и гневные. И все равно — нежные. Нежность к детям — бездомным пасынкам войны, ее жертвам — говорила в них.

Почему приходят те давние строфы на память слушателю и читателю сегодня, хотя уже давно звучат михалковские веселые притчи?

**Сорок первый — сорок
пятый! —**

**Учит наша детвора,
А для бывшего солдата
Это вроде, как вчера...**

Наверное, в этом михалковском объяснении и объяснение чувств наших.

Строгие строчки военной поры и лукавые стихи-приказки дней мирных в родстве и потому, что встает за ними тот же облик автора: великодушного защитника ребенка.

Хочу сослаться на высказывание Константина Симонова о Михалкове. «Тот, кто по-настоящему добр, — говорил он, — обязан быть и по-настоящему злым, когда он встречается со злом, иначе его доброта называется прекраснотушеством и немного стоит с точки зрения ее общественной ценности».

На этих весах общественной ценности отмерено отношение к добру и злу во всех стихах, о которых тут речь. Весомая проповедь добра, весома ненависть ко злу. И важно, чтобы мы, читатели, приняли эту авторскую шкалу ценностей безраздельно.

Оттого и крайне важно, чтобы стихи, если они приходят к нам не с книжной страницы, а из уст чтеца-исполнителя, не изменили бы ни в интонации, ни в акценте авторского замысла.

Говорю об этом потому, что в тот вечер, как сказано выше, стихи Михалкова читала актриса Антонина Цыганкова. Композиция называется: «Я родом из детства».

Известно: нет ничего труднее для актера, чем чтение стихов. Можно передать смысл, но уйдет музыка стиха. Можно увлечься музыкой, но не в ней одной своеобразие стихотворного письма.

Стихи Михалкова, вроде бы такие простые и ясные, для передачи не просты. Нужно, чтобы ощущались и михалковская строфика, и возникновение нерифмованных (по-детски!) строк, и разговорность не превратилась бы в прозаизм. Стихи в исполнении Цыганковой звучат не только точно, но и красиво (что для поэзии дело не последнее).

И все-таки не одна чтецкая техника, без которой, разумеется, нет профессии, притягивала зал к актрисе. В десятках читаемых стихов представали десятки «ролей». Но от разнообразия «ролей» каждая из них урона не понесла. Представляла Цыганкова и кем-то из ребят, кто бесечно «на лавочке сидел, кто на улицу глядел»; и разделяла горечь влюбленных, кому пророчила гадалка счастье (читались и лирические стихи); и солдаткой военной была, а главное — матерью, любящей, страдающей, самоотверженной. Чувствовалось это высшее призвание женщины, когда читала актриса строки забавные и строки скорбные.

Эти заметки не рецензия, тем более не попытка анализировать творчество С. Михалкова. Заметки мои, пожалуй, стенограмма причастности к происходившему в тот вечер, причастности зала к предмету стихотворного разговора. В зале ведь сидели все, как один, — бывшие дети. А автор и исполнительница хотели, чтобы для всех детей бывших, нынешних, будущих

**И синим будет небосвод,
И красным будет пароход,
И черным будет в небе дым,
И солнце будет золотым!**

Так написал Михалков, разглядывая чистый лист бумаги и размышляя, чем она станет, эта белая страница, когда ее коснется чья-то рука: протоколом, поэмой, любовным письмом? Потом решил — детский цветной карандаш приведет сюда и синий небосвод, и красный пароход, и черный дым, и золотое солнце. Обыкновеннейшие краски жизни. А как невероятно трудно, чтобы эта обыкновенность была обыкновенной.

И как не позавидуешь писателю, умеющему делать эту трудную работу.

Галина ШЕРГОВА.